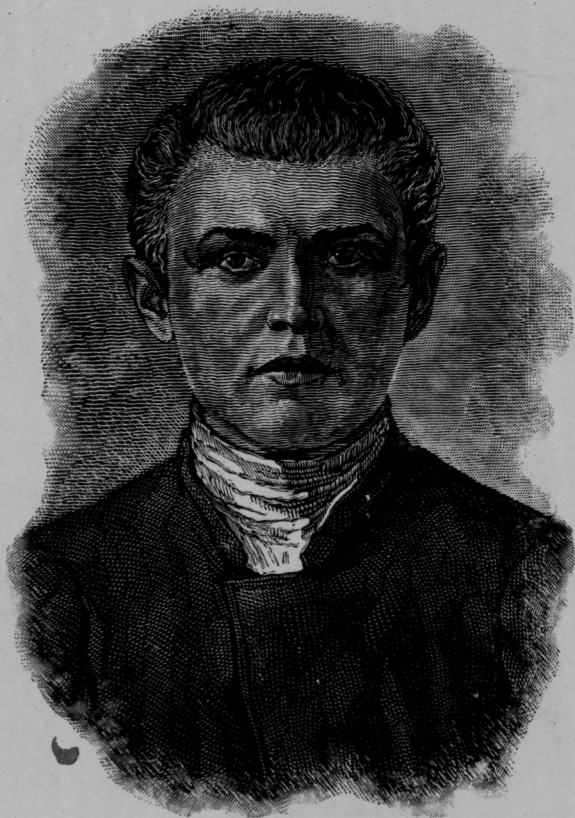

К. И В А Н О В
НАРСПИ

КОНСТАНТИН ИВАНОВ

И 20

Константин Иванов

НАРСПИ

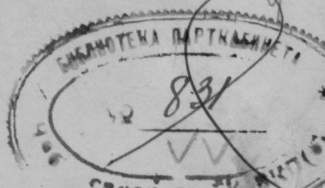
ПОЭМА

*Перевел с чувашского
Александр Жаров*

*Под редакцией
В. В. Казина*

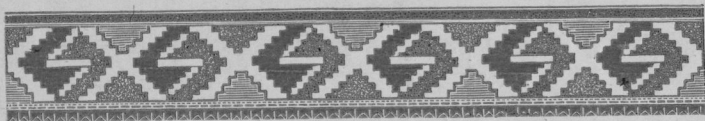

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1940

Художник Ф. Быков

Государственная
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Чувашской Республики
г. Чебоксары, ул. Гладкова, 6

КЛАССИК ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выдающийся поэт чувашского народа Константин Васильевич Иванов родился 2 июня 1890 года в селе Слакбаше, Белебеевского уезда, бывшей Уфимской губернии (ныне Башкирская республика), в семье чуваша-крестьянина. В поисках лучшей доли, родители Иванова переселились сюда из Чебоксарского уезда.

После окончания сельской школы Иванов поступил в симбирскую чувашскую школу, которую ему так и не удалось закончить. В 1907 году за участие в забастовке К. В. Иванов был исключен из школы. С «волчьим» билетом, с репутацией «политически неблагонадежного», Иванов вынужден был вернуться домой к родителям. Но дирекция школы, зная талант Иванова, вскоре пригласила его обратно в Симбирск и поручила ему переводы церковной литературы на чувашский язык. Одновременно Иванову было категорически отказано в издании его собственных оригинальных работ. К 1908 году он уже создал ряд художественных произведений, в том числе поэму «Нарспи». Лишенный возможности выступать в печати, Иванов обращается к живописи, обнаруживая в этой области незаурядный талант.

Последующие годы жизни К. В. Иванова проходят в скитаниях, полны лишений и одиночества.

Изнуренный тяжелой работой, всеми забытый, К. В. Иванов 8 апреля 1915 года, на 25 году жизни, умер.

Начало литературной деятельности Иванова совпадает с годами реакции, последовавшей после революции 1905 года.

В то время буржуазная литература выступала с проповедью идеалистической философии, мистицизма, индивидуализма. И только немногие писатели подняли голос, утверждающий правду жизни, реалистический образ человека. Среди таких писателей был и чувашский народный поэт К. В. Иванов.

Эпиграфом к творчеству Иванова можно взять его афоризм из поэмы «Нарспи» — «Всех сильнее человек на свете», напоминающий знаменитое горьковское изречение: «Человек — это звучит гордо». Иванов преклонялся перед человеком-деятелем, стоящим выше обывательской косности и застоя.

Чувашская литература к моменту выступления Иванова на литературном поприще была представлена незначительными в количественном и качественном отношении произведениями религиозно-миссионерского характера. Иванов обратился к народному творчеству, к лучшим образцам мировой и русской литературы. Большое влияние на него оказали М. Ю. Лермонтов, А. В. Кольцов, Н. А. Некрасов и особенно А. М. Горький.

Константин Васильевич Иванов создал первые образцы чувашской национальной художественной литературы. Он написал замечательную поэму «Нарспи», создал цикл поэтических сказок, оставил несколько лирических стихотворений, перевел на чувашский язык несколько стихотворений Лермонтова, Кольцова и Гейне; прекрасно перевел поэму Лермонтова «Песнь про купца Калашникова».

Как и всякому писателю «инородцу», жившему в царской России — «тюрьме народов», Иванову приходилось работать в необычайно трудных условиях. Оценивая место и роль великих людей в общественной жизни, Н. Г. Чернышевский в «Очерках голеевского периода русской литературы» указывал: «Историческое значение каждого русского великого

человека измеряется заслугами его родине, его человеческое достоинство — силой его патриотизма». Эту оценку полностью можно применить и к К. В. Иванову — подлинному патриоту своего народа.

Жизнь и деятельность Иванова характеризуют его как истинного демократа-просветителя, глубоко верившего в безграничные возможности своего народа. Страстным выражением этой веры является и поэма Иванова «Нарспи», написанная в 1908 году. Сохраняя национальный колорит, «Нарспи», вместе с тем, — произведение глубоко интернациональное по содержанию. Основные проблемы в «Нарспи» — это проблема человеческого труда в широком значении этого слова, проблема подлинно человеческой любви, проблема эмансипации женщины.

Герои поэмы, Нарспи и Сетнер,—протестующие натуры. Простая чувашская девушка Нарспи, забитая вековыми традициями, вырастает в поэме до осознания социальной несправедливости, приходит к убеждению, что человеческое счастье, радость и любовь— выше мелкособственнических расчетов, что их не восполнит никакое богатство:

Эй, отец, и жизнь не в жизнь мне
Во дворе пуйана-мужа,
Не в одном богатстве счастье,
Не в одном богатстве радость.

*(Перевод Петтоки,
Гослитиздат, 1937, стр. 123)*

Нарспи восклицает в монологе, обращенном к родителям:

Глядите теперь, каков
У вашей Нарспи удел!
Губительна к деньгам страсть.
Вы, голову очертя,
Нацелили волку в пасть
Единственное дитя.

К. И. Иванов—прежде всего лирик, задушевный и волнующий. Язык его прост. Описания природы в поэме даются в неразрывной связи с деятельностью человека, они всегда соответствуют его чувствам:

Два всадника на коне.
Размерная дробь копыт
Разносится в стороне.
Как трогателен прием
Деревьев-богатырей.
С поклоном гудят: вдвоем?
Счастливо! Скорей! Скорей!

Широко используя приемы народной поэзии, Иванов обогащает распространенную в фольклоре форму песни-плача. В художественной интерпретации Иванова эта песня полна страстного протеста.

Создавая полный лирической глубины и трагизма образ Нарспи, Иванов возбуждал в чувашском народе страстную жажду к свободе и независимости. Неудивительно поэтому, что народ воспринимал Нарспи, как олицетворение всего лучшего, сильного и прекрасного в человеке.

Поэма Иванова заканчивается трагической гибелью героев, но это не мешает ей быть в основном оптимистической. Она зовет вперед, к свободной, радостной жизни, — в этом ее смысл и подлинно народный характер.

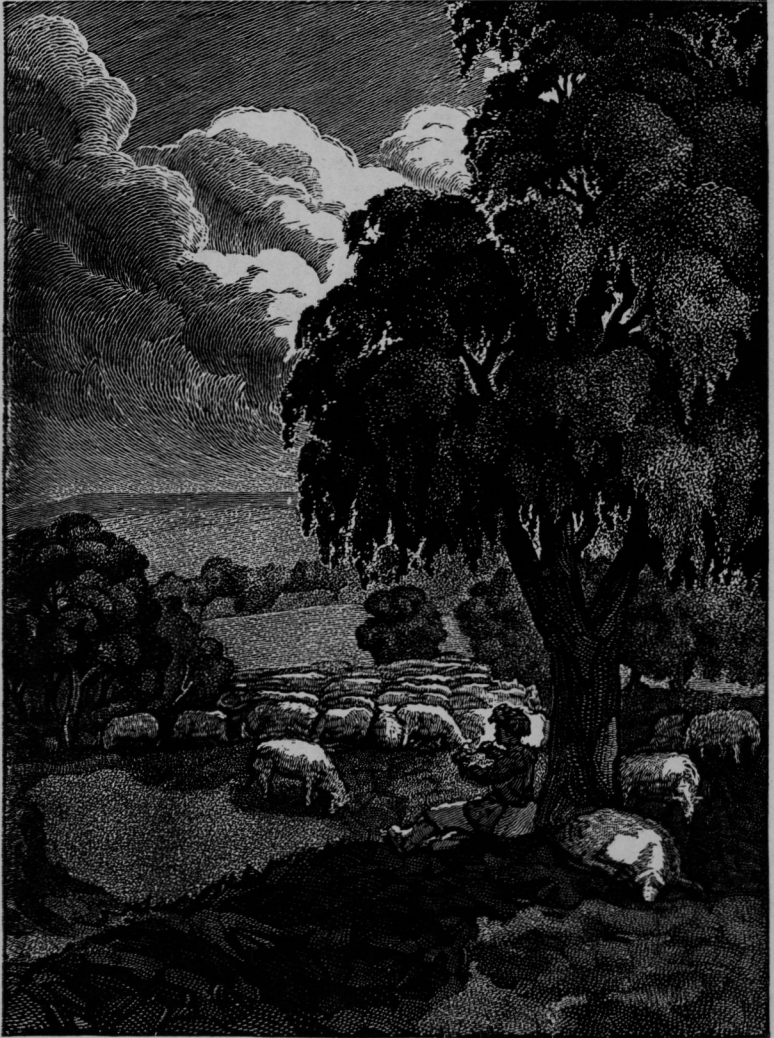
В чувашском народе поэма воспринимается, как произведение устного поэтического творчества. Многие ее афоризмы вошли в разговорную речь. Когда произведение письменной литературы как бы теряет грань с произведениями, созданными самим народом, оно и автор его — бессмертны.

Весь жизненный и творческий путь Иванова — прекрасный образец служения народу, истинным сыном которого он являлся.

Великий писатель обогатил поэзию чувашского народа, как народ, в свою очередь, обогащал его поэтическую культуру.

Чувашский народ высоко чтит память поэта, как родоначальника чувашской художественной литературы, расцветающей в свободной чувашской АССР.

И. Сутягин

В СЕЛЕ СИЛЬБИ

В Сильби, в чувашском селе,
Кончается март, и вот
Теперь лучи на земле
Расплавят последний лед...
Травой зеленеет дол.
Запахли леса смолой.
Выходит, конец пришел
Зиме, студеной и злой.
Зима в ложбины лила
Потоки холодных слез.
Поплакала. И ушла,
Должно быть, за много верст.
Печаль унося, зима
Ушла далеко, туда,
Куда с высоты холма
Ручьями бежит вода.
Зимы отошла пора.
На солнышке все теплей.
Лужайки полны с утра
Веселой толпой детей.
Лесов поредела тень.
Зеленый на них тумдир¹.

¹ Наряд.

Прекрасен в весенний день
Разбуженный солнцем мир.
Ни степь, ни село не спит.
В сиянии теплых дней
Проснувшийся лес спешит
Одеться позеленей.
Наряд у него готов.
А рядом для поселян
Живой аромат цветов
Струит пестрота полян.
Звучит над селом чуть свет
Беспечная птичья трель.
Апрельскую песнь в ответ
Пастушья поет свирель.
Овца собрала ягнят.
Им травка мягка, как пух.
— Ах, как этот мир богат! —
Голодный сказал пастух.

Под ветлами, строго в ряд,
Равняясь с угла до угла,
Словно конторы, стоят
Богатые избы села.
Над крепким крыльцом — навес,
Тесовый, а не простой.
Околица. Дальше — лес
Оградой глядит густой.
А там, у леса — стога
Наметаны высоко.
Дыханье садов в луга
Разносится широко.
У каждой избы — забор,
Бегущий за огород.

Играет резьбы узор
На створах больших ворот.
Посмотришь издалека:
То город, а не село.
У здешнего мужика,
Как видно, много всего.

В Сильби, в чувашском селе,
Текут незаметно дни.
Как будто рай на земле
Хотят затеплить они.
В немолкнущем пеньи птиц
Теряется голос твой
И сызнава — без границ —
Он в песне звенит рекой.
Но только блеснет звезда
На небе в вечерний час, —
Селяне, как господа,
Расхаживают, подбочась.
За избами — смех детей...
По улице от ворот
Медлительней лебедей
Круг девушек проплывет.
Идут, красотой гордясь:
Попробуй, не полюби!
Пускаются парни в пляс.
Хорошая жизнь в Сильби.

Веселое торжество!..
Пока существует свет,
Известно, что никого
Сильней человека нет.
В любом ремесле горазд.

Но, как это ни смешно,
Он разум порой отдаст
За деньги и за вино.
Вот так и чуваш весной
Справляет великий Калым:
От пива с утра — хмельной.
Под вечер он — пьяный в дым.
То — в гости попить,
То — выпивка на дому.
Без этого, так сказать,
И праздник бы ни к чему.
Сгущается темнота...
И эхо летит в леса:
Взывают из-за куста
Нетрезвые голоса.

Дневной завершает круг
Чуваш, от гульбы разморясь.
Постелью покажется вдруг
Весенняя, мягкая грязь.
Лежит в постели такой,
Как барин, не зная хлопот.
Махнув на удобства рукой,
Лежит он. И песню орет:
«На работе мы потели,
А пришел веселый час, —
И попили, и поели.
Так уж водится у нас.
На работу выйдем снова,
Как пройдут веселья дни.
Если дома нет хмельного,
То к соседу загляни.
Нет запаса у соседа, —

Нам уйрана¹ бог подаст...
Пей с обеда до обеда.
Так уж водится у нас».

Праздник пошел на исход —
Время, чуваш, за дела.
Пашня весенняя ждет.
— Ой, голова тяжела!
— Ну-ка, гуляки, скорей
На ноги! ...Так молода
Зелень холмов и полей.
Спала на речке вода.
Братец, вставай, погляди:
Солнышко льет благодать.
Борону, плуг снаряди.
Сбрую, телегу наладь.
Свежей умойся водой,
Той, что из речки достал,
Чтоб на щеках молодой,
Яркий румянец играл!
Старые лапти надев,
Выйдем на пашню с конем.
Хлеба старательный сев
Без промедленья начнем.

¹ Хмельной напиток из кислого
молока.

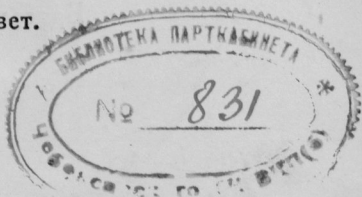
КРАСАВИЦА

Душистей из года в год
Цветок золотой в степи.
Цветком золотым цветет
В Сильби красота Нарспи.
Чудесным огням сродни, —
Без всяких скажу прикрас, —
В лице у Нарспи огни
Двух бусин, двух черных глаз.
Смотрите: Нарспи идет.
Лебяжьей походке в лад,
Шагов отмечая счет,
Монисты на ней звенят.
А взглянешь на кольца кос,
На белые пальцы рук, —
По сердцу пройдет мороз,
Душа встрепенется вдруг.
Кто взгляд отведет легко
От жгучих цветов степи?
Кого, пленив глубоко,
Не тронет краса Нарспи?..

Вот солнышко от забот
Плывет, на закат спеша.

Нарспи в хоровод идет,
Как солнышко, хороша.
Умыта. Стройна. Легка.
Монистами убрана,
Малиновый шелк платка
Несет на плечах она.
Как голос ее богат:
Поет соловья нежней!
Смеется, — кругом твердят:
— Здоровье смеется в ней.
Веселье кипит вокруг.
Нарспи, не боясь беды,
Гуляет среди подруг
До утренней до звезды.
Приветливый отчий дом
Дремотою окружен.
Приветливый отчий дом
Хранит ее добрый сон.

Нарспи поутру берет
Тончайшего шелка нить.
То — вышивать начнет,
То, напевая, шить.
— Пес стальной, хвост льняной,
Ходи, ходи прытко.
Пес стальной был иглой.
Хвост льняной — нитка...
Нарспи — мастерица ткать,
Искусница нить мотать.
За делом не будет спать.
Любуйтесь, отец и мать!
Пушистою лапкой кот
На лавке гостей зовет.

Ну что же — гостям привет:
Сготовит Нарспи обед...
Так девичья жизнь течет
Теченьем спокойных рек,
Пока сватов не пришлет
К отцу чужой человек.

Старик Михэдер богат.
Добротный дом у него.
А в доме — бесценный клад:
Любимая дочь его.
Он хвалится навеселе:
«Попробуй-ка, нас купи!
Найдутся ли на селе
Монисты, как у Нарспи?
«Шелка у нее тонки.
Не верится, — в спор вступи!
Найдутся ли башмаки
Такие, как у Нарспи?
«Проспоришь, — держи ответ,
По совести поступи,
Скажи, что на свете нет
Нарядней моей Нарспи.
«Сочтешь ли ее добро,
Зайдя к Михэдеру в дом?
Холстины и серебро
Покоятся под замком.
«Полнехонька хлеба клеть.
Пшеница лежит и рожь.
На погребе всякую снедь,
И пиво, и мед найдешь...»
Не зря такие слова
Бросал вгорячах Михэдер.

Без всякого хвастовства,
Он всем богачам пример.
Изба его велика,
Глазами не оглядеть.
А крыша так высока,
Что курице не взлететь.
И двор, словно княжий двор.
Строениям нет числа.
Заботливо их забор
Скрывает от глаз села.
Вон там во дворе, внутри,
Коров племенных доят.
Тут кони-богатыри,
Склонясь над овсом, стоят.
Оправдана похвальба!
На верхней на слободе
Стоит Михэдера изба,
Какой не найти нигде.

До первого петуха
В заботах отец не спал.
Достойного жениха
Он сам для Нарспи сыскал.
Пир свадебный решено
На праздник Сьимэк¹ сыграть.
— Рекой потечет вино...
— Богаты и тесть, и зять...
От масляной начат счет
Неспешных недель и дней.
— Ах, скоро ль Сьимэк придет?
— Томительно ждать, ей-ей.
Судачат верхи села.

¹ Чувашский весенний праздник.

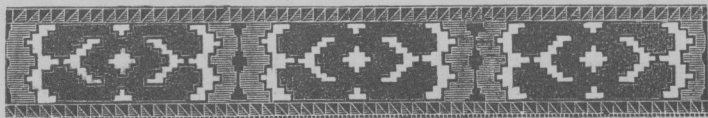
Событию всякий рад.
А в доме Нарспи — дела:
Приданое мастерят.
В укромном углу, одна,
Нарспи занята шитьем.
Как вспомнит Сетнера она,
Зальется слезами о нем.

Избенка плоха, мала.
В избежке — который год —
На самом краю села
Красавец Сетнер живет.
Живут-поживают здесь
Он, мать, — вот и вся семья.
Конь очень горячий есть.
И сам — горячей коня.
Есть руки — на богачей
Батрачить в уборку, в сев.
А в сердце — огня горячей
Врагу на погибель гнев.
Силен и красив Сетнер,
Прилежен. Но что с того?
Он знает, что Михэдер
Нарспи не отдаст за него.
Порыву любви верна,
Нарспи плачет ночью и днем.
Как вспомнит Сетнера она, —
Зальется слезами о нем.

Высокий колодец стоит.
Ветла шелестит на ветру.
Коня-ургамака поит
Красавец-Сетнер поутру.

Он прячется в тень под ветлой.
Конь землю копытами бьет.
К колодцу с холма за водой
Нарспи, как обычно, идет.
Спускается. Ведра звенят.
Сетнер сам себе говорит,
Что счастлив, что сызнава рад,
Что слышит, как сердце звенит,
Спокойствие, конь-ургамак!
Умолкни, старушка-ветла!..
Улыбку на тонких губах
Нарспи, приближаясь, несла.
Ничьих не слышать голосов.
И листьев затихла молва.
А с губ из-под русых усов,
Как листья, слетают слова.

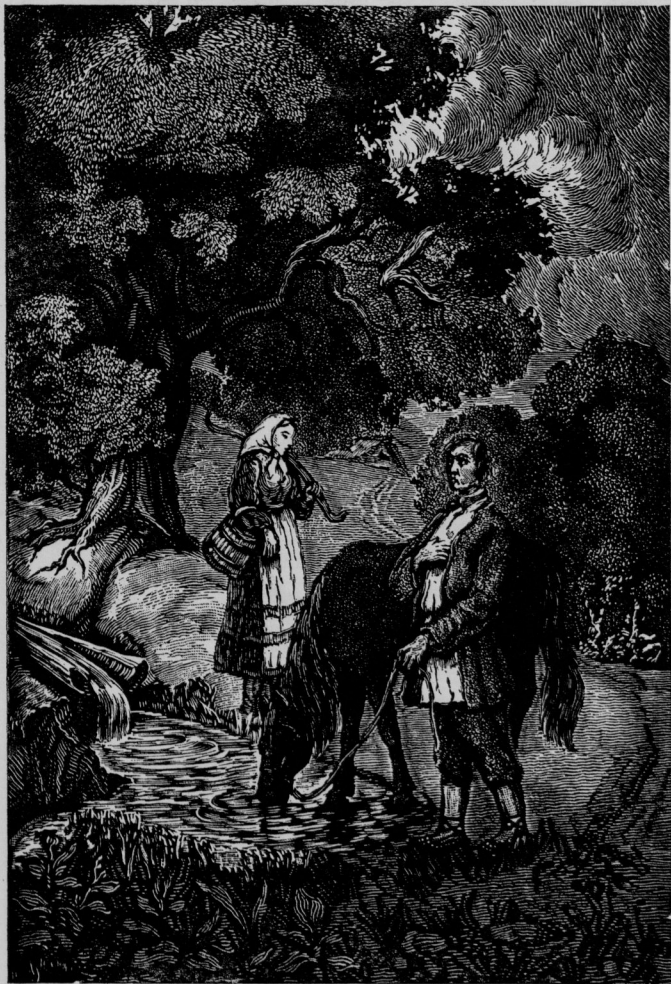

КАНУН СЪИМЭКА

Очнувшись от забытья,
О чем-то с лучом журча,
Под солнцем бежит струя
Серебряного ручья.
Девуца в тени ветвей.
А молодец рядом с ней.
Стоят они и журчат.
Беседа их, как ручей,
Покуда напьется конь.
Шумит над ручьем листва.
Горячие, как огонь,
Сетнер говорит слова:
— Ужели, Нарспи моя,
От этих ручьев и рек
Тебя в чужие края
Чужой увезет человек?
Мне нечего счастья ждать.
Судьбина моя горька:
Твой гордый отец и мать
Сторонятся бедняка.

— Зачем, мой Сетнер, роптать?
Ты беден. Но ты хорош.

Богаты отец и мать.
Куда же от них уйдешь.
Рассудок пропал у них.
Ну что ж, сказать о тебе?
Итти умолять глухих?
Что пользы в такой мольбе?
Где выход, Сетнер? Как быть?
Придумай же, помоги.
Ужели в неволе жить
С богатым из Хужелги?
Сегодня в вечерний час
Начнут мою свадьбу с ним.
Враги разлучают нас.
Что делать, Сетнер? — Бежим!
— Бежать, — но дороги нет.
Несчастье везде найдет.
Мой сокол, мой ясный свет,
Расстаться настал черед.

— Мне кровная мать дорога,
Своя голова дорога.
Мой конь! Берегу я его.
Но ты мне дороже всего.
Гнев сердца! Тоску заглуши!
Ты знаешь ли, конь-ургамак,
Что нынче сиянье души
Отнимет безжалостный враг?
Ты дорог мне, бодрый мой конь,
Своя голова дорога.
Не броситься ль сердцем в огонь?
А может, прикончить врага?
Нарспи, может, все же бежим?
Не взять ли пошире седло?

— Пусть даже врага порешим,
Но в мире останется зло.
Потише, храбрец молодой!
Смотри, мы уже не вдвоем.
Соседка идет за водой.
Разлукой ее назовем.

— Прощаюсь, Нарспи, с тобой.
Запомни мою печаль...
Рванулся скакун лихой.
Сетнера уносит вдаль.
Нарспи в глубокой тоске
Глядит любимому вслед.
Блеснула слеза на песке.
В глазах затуманился свет.
— Прощай и радость, и боль!
Но как мне любовь забыть?
Расставшись с тобой, легко ль
С чужим на чужбине жить?
Соседка к ней подошла, —
И голос Нарспи затих.
— Невеста невесела:
Не слишком ли стар жених?
Иль с матерью нелады:
Замужеству дань мала?..
Нарспи, зачерпнув воды,
Заплавав, домой пошла.

На кухне и шум, и звон.
Старуха в избе ворчит.
Для свадьбы большой фургон
Старик во дворе мастерит.
Кладет Михэдер топор.

С лица вытирает пот.
Обходит хозяйски двор:
Немало еще хлопот.
— Заботился день и ночь,
Растил, не спуская глаз.
Уедет — заботы прочь.
Стараюсь в последний раз...
Лелеял. До свадьбы ждал.
Не дал сотворить греха.
За это мне бог послал
Хорошего жениха.
Богато сосватал дочь,
Всей местности напоказ.
Как только наступит ночь, —
За свадебку, в добрый час!..

— Ой, — ропщут сельчане вслух: —
Дождаться не возмогу.
Бродящего пива дух
Щекочет с утра во рту.
С утра, аппетит дразня,
Борщом из печей несло.
Уже с половины дня
Облизывается село.
В сенях музыкант слышней
Свой ладит пузырь¹ как раз.
Веселые ноги парней
Заранее рвутся в пляс.
Волнуется люд честной.
Движенье в селе растет.
И только Нарспи одной

¹ Народный музыкальный инструмент.

Веселье на ум нейдет.
Намасливает у печи
Оладьи и пирожки.
Глаза у нее горячи,
А слезы в глазах горьки.

Откуда, беда-напасть,
Явилась ты в дом родной?
Свободу мою украсть
Пришел человек чужой.
Родитель, не будь жесток,
Родительница, прости:
Нельзя ли еще годок
Моей красоте цвести?
Не слышали мать с отцом
Девичьей души тоску.
Просватали дочку в дом
К богатому чужаку.
У старых душа тверда,
Как прутья кошмы, жестка.
А девушка молода.
Девичья душа мягка.
Хотелось бы ей легко
Кружиться, играть и петь,
От злой судьбы далеко
На крыльях орла лететь.

В лесную чащобу теней
Дневное светило ушло.
Шумливое стадо с полей
Лениво брело на село.
Девчата встречают телят,
Коров поспешают загнать.

И парни ни в чем не хотят
От девушек шустрых отстать.
Корову-пеструху с горы
Крестьянин сгоняет скорей,
Наполнились сразу дворы
Бессмысленным визгом свиней.
Старушка, загнавшая скот,
Окутана пылью густой.
Она не бежит, не идет, —
Плетется походкой святой.
На погреб ее привело
С ковшом, чтобы пива достать.
Ай-ай, как нести тяжело!
Ай-ай, как легко выпивать.

Старухе велел старик
Итти гостей созывать.
С пивным угощеньем вмиг
Пошла по селенью мать.
Идет от избы к избе:
— Отведайте пиво-мед! —
С поклоном гостей к себе
Пожаловать всех зовет. —
Просватана дочь у нас.
Вот свадьбы пора пришла.
Пожалуйте в Тури-гас¹.
На верхний конец села!
Откушать хлеб-соль у нас
Родных и друзей зовем...
— Ну что ж, бог здоровья даст,
Окажем почет: придем...

¹ Верхняя слобода.

Обычаю старины
Старуха верна была.
Все гости приглашены.
На землю спускалась мгла.
— На верх! Велика ль гора?
Поднимемся в Тури-гас.
Пить пиво пришла пора.
За свадебку, в добрый час!
Всех нас уравниют тут.
Сойдемся в одну семью.
Ведь родичи отдают
Любимую дочь свою...
Обычай введен не зря
У нас, чувашей, искони:
В пиру возлиянье творя,
Покойников помяни.
— Ты память прадедов дай
Почтить на пиру вперед.
Да будет им сладок рай,
Как сладок на свадьбе мед.
Пусть легкая их рука
Пошлет благодать Нарспи.
Да будет ей жизнь легка,
Светла, как весна в степи.

Помянуты предки. Потом
Обычай велел родным
К невесте итти гуртом
В светлицу с ковшом пивным.
Склонились отец и мать
Над плачущей дочкой вновь
И стали благословлять
На ласку и на любовь:

— Мужу покорной будь,
Слушай его, Нарспи!
В добром согласи будь
С мужем всегда, Нарспи.
Дельной слугою будь,
Мужу служи, Нарспи.
Честной женою будь,
Бойся греха, Нарспи!..
Как белая ткань, бледна,
Невеста в окно глядит.
Игра пузыря слышна.
Свадебный пир открыт.

Село, уморившись, спит.
Погасли огни окон.
А месяц с высот глядит,
Хранит тишину и сон,
Сон девушек и парней,
Окончивших хоровод,
Дремоту сватов, гостей
С улыбкою стережет.
Прохладнее воздух стал.
По улице, под откос
Опасливо пробежал
С разинутой пастью пес.
Во весь петушиный дух
Приветствовал свой насест
В коротких словах петух...
А месяц пошел за лес.
В семействе у чуваша
Все крепко поспать непрочь.
Все спят. Но одна душа
Терзается в эту ночь.

СВАДЬБА

Крестьянин Сымэку рад.
Забрезжит рассвета рань, —
Дымки над селом летят:
Затоплены печи бань.
Там — взрослые и детвора.
Обычай у нас такой:
На праздник Сымэк с утра
Помыться сымэк-травой.
Попарившись, по росе
Гуляют и стар, и мал.
В новых одеждах все,
Всякий нарядным стал.
Как баре, как короли,
Обновой своей гордась,
Почтенные гости шли
На свадьбу, не торопясь.
Вот свадьба! Такой у нас
Не видано с давних пор.
Вот свадьба! Весь Тури-гас
Ведет о ней разговор.

Веселое торжество
Старик Михэдер дает.

У самых ворот его
Толпится простой народ.
У ставней зевак полно.
Толпа, вырастая, тут
Гудит, как веретено:
— Мед-пиво в ковшах несут!
Танцоры всем напоказ,
Ни слова не говоря,
Пускаются лихо в пляс
Под музыку пузыря.
Как только пузырь замрет,
Устанет играть мастак, —
Задорно начнет народ
Гостей будоражить так:
— Если тихо-то сидеть,
Будет не на что глядеть.
Мы не птенчики, а птицы.
Наше дело — песни петь.

Не хочет народ скучать.
Игра пузыря любя.
Гремит музыкант опять.
От пляски дрожит изба.
До треска тесин в полу
Танцоры присядку бьют.
А гости в красном углу
За здравье невесты пьют.
Желают ей всяких благ,
Детей чтобы бог послал.
Желают, чтоб этот брак
Навек нерушимым стал.
Закусывай, пей, родня,
Во здравие молодых!

Пусть слышит веселье дня
В далеком селе жених.
Смотрите: покинув стол,
От счастья хмельной слегка,
Старик Михэдер пошел
Откалывать трепака.

Любуются старики.
Дивуются старики:
— Ой, парни плясать легки,
Ой, девушки петь ловки.
За главной грядой столов
Невеста в углу сидит.
Приподнят над ней покров,
Что алой каймой обшит.
Невесело ей смотреть
На весь этот шумный круг.
И вдруг начинают петь
О ней голоса подруг:
— Седой Тахтаман тебя
Настиг, как буран в степи.
Седой Тахтаман тебя
От нас увезет, Нарспи.
Горячим огнем, Сетнер,
Любовь свою растопи!
Что будет с тобой, Сетнер?
Где счастье твое, Нарспи?..

Помехи веселью нет.
Конца развлеченьям нет.
Но время Нарспи пришло
Объехать свое село.
Подруги бегут за ней

По улице вдоль села.
И парни желают ей,
Чтоб с мужем легко жила.
Детишки подняли крик,
Усыпав кибитки путь.
И только один старик
Готов у избы заснуть.
— Гуляйте, а мне невмочь.
Кажись, не жалея ног,
И я бы сплясать непрочь,
Когда бы подняться мог.

У ЗНАХАРЯ

Жил в черной избе старик,
Отгадчик чужой судьбы.
Свет солнышка не проник
В оконце его избы.
Открыл старикашка дверь
И снова засел в углу.
— Ну вот, заиграл теперь
Луч солнечный на полу.
Развеять в избушке тьму
Не солнце ли помогло?
И лапоть чинить ему
Полегче, когда светло.
А луч земляной настил
Ощупал и вновь исчез.
Глядь, за бороду схватил.
Глядь, на голову полез.
Вот славно! Шумит Сьимэк.
А к дедушке луч один
Забрался и канул в снег
Холодных его седин.

В задумчивость погружен,
Бормочет старик в дыму.

Вещун, а не видит он,
Что гостья вошла к нему.
У дымной двери стоит
Старуха, едва жива.
И знахарю говорит
Приветливые слова.
Старуха, Сетнера мать,
Пройдя через все село,
Пришла ему рассказать,
Что к сыну пристало зло.
Вздыхает: и ах, и ох,
Любимого сына жаль.
Вздыхает. И каждый вздох
Поет про ее печаль..
Старуха со стариком,
Беседуя в тишине,
Толкуют о том, о сем,
А больше о старине.

Берется старик гадать.
Цена оговорена:
Старуха рубаху дать
Да пару лаптей должна.
Старик со скамьи встает.
— Итак, по рукам!.. Теперь
Под печкой ухват берет
И им запирает дверь.
Он шубу впотьмах нашел.
Шапчонку подмышку взял.
Пятак положил на стол.
На гребень ногами встал.
Потом вперил в полумрак
Свой подслеповатый глаз.

Уставился на пятак.
Седой бородой потряс.
Глядел он на потолок,
На дверь, на ухват, на печь,
Помял старухин платок
И начал такую речь:

«Ране в сердце человека
Не закрыться! Не закрыться!
Что положено от века,
То не может не случиться!
Сердце сына в мягких сотах
Воском разлилось горячим.
Бог, при всех своих щедротах,
Краткий век ему назначил.
Все вокруг оледенеет,
Если солнце мир покинет.
Воск от холода твердеет,
Человечье сердце стынет.
Если ж солнце вновь вернется
И над сердцем запылает, —
Сердце к жизни встрепенется
И... в короткий срок растает».
Знахарь встал и брови сдвинул,
Весь в раздумьи, с темным взглядом,
Шубу снял и шапку скинул,
Положил на лавку рядом.

Потом, шепотком своим,
О том, о чем он гадал,
Склонившейся перед ним
Старухе он так сказал:
«Злых духов тут вовсе нет.

И порчи, старуха, нет.
Твой сын не заморожен,
И не околдован он.
От света уйти во тьму —
Был божеский приговор.
Так бог повелел ему.
А с богом какой же спор?
Лить слезы — да есть ли толк?
Судьба им не верит, мать...»
На этом старик умолк
И лапоть пошел искать.
Старуха домой брела,
Печаль унося с собой.
А знахаря ждут дела,
Назначенные судьбой.

Стал лапоть чинить опять.
И снова забормотал:
— Вот диво, — ни дать, ни взять...
А что, если угадал?
Соседям расскажет мать.
Свершится, — всех удивляю.
Довольно селу кричать,
Что я чепуху мелю!
Конечно, когда игру
Ведешь невпопад, — провал
Но тут, кажись, не совру.
Пожалуй что угадал...

БЕГСТВО

Лишь вечер густою тьмой
Коснулся лица земли, —
Со свадьбы к себе домой
Веселые гости шли.
А девушки в этот час
Шли с парнями в хоровод.
К подругам в последний раз
Проститься Нарспи идет.
Подруги — рука с рукой —
Кружатся в живой цепи.
Сетнер дорогой! С тобой
Проститься пришла Нарспи.
Проститься в последний раз!..
Сетнер головой поник...
У девушки бьет из глаз
Безудержных слез родник.
От всех в стороне, в тени —
Две горестные души.
Сто раз обнялись они
И скрылись в ночной тиши.

Как звезды в туман летят!
Как ветер суров и жгуч!

Над лесом густым висят
Громады тяжелых туч.—
Дождь с черных вершин небес
Свирепо на лес полил.
Взревел, негодуя, лес,
И ветер по-волчьи взвыл.
Сиянием расписным
От молний летит огонь.
По просекам по лесным
Отчаянно скачет конь.
Устал ургамак. Храпит.
Два всадника на коне.
Размерная дробь копыт
Разносится в стороне.
Как трогателен прием
Деревьев-богатырей.
С поклоном гудят: вдвоем?
Счастливо! Скорей! Скорей!

Белесой зарей облит
Туманный небесный свод.
На свадьбу опять спешит
Пораньше притти народ.
Сочтешь ли, который день
Вкруг свадьбы идет игра.
Попеть, поплясать не лень
И в пасмурный день с утра.
Но где ж пузыряста гром?
Заглянем скорей в окно:
Не пенится за столом
Ни пиво и ни вино.
У свадьбы сегодня вид, —
Уж лучше бы не видать.

Старуху старик бранит:
— Куда ж ты глядела, мать?
— А сам ты куда глядел?
Молчал бы, ворчливый пес,
Коль сам прозевать сумел...
Невесту Сетнер увез.

Три всадника мчатся в путь
По лесу, где есть просвет:
Не виден ли где-нибудь
Коня неостывший след?
Не слышен ли конский стук
С какой-нибудь стороны?
Живой не раздастся ль звук
Из мертвой из тишины?
Но нет ничего! Беда!
Ни звука и ни следа.
Вот солнышко в лес вошло
И тоже не помогло.
Нигде не видать пути,
Который бы вел верней.
Но как беглецов найти
В сплетеньи лесных теней?
Что делать, — ищи, хоть плачь, —
Скачи по глухим местам.
Три всадника мчатся вскачь
И рыщут — то здесь, то там.

Под дубом в лесу густом,
Красавец, не крепко спи!
Подумай, Сетнер, о том,
Что рядом с тобой Нарспи.
Но оба в лад тишине

Уснули глубоким сном.
И видит Нарспи во сне:
Отец обернулся псом.
Во всю свою песью мочь
Рычит, заглушив леса:
— Не скроешься, злая дочь,
От лапы когтистой пса!..
Проснулась Нарспи. Глядит:
Три всадника скачут к ней.
— Нам гибель с тобой грозит.
Проснись, мой Сетнер, скорей!
Вставай же, вставай, Сетнер!
Погоню прислал отец.
Спасайся! Бежим, Сетнер!..
Но поздно... Всему конец.

Пришел пузырист лихой.
Ему говорят: орел
Взял двух молодых с собой
И вот — беглецов привел.
Навстречу невесте — мать,
Чтоб за косы оттаскать.
К Сетнеру — сам Михэдер:
— Не падай, держись, Сетнер!
— Мамаша, учи словом,
Да только не трогай кос,
А то как бы вам с отцом
Раскаяться не пришлось!
— Сетнера, старик, не бей!
Не будь, Михэдер, суров.
Что пользы в том? Из углей
Вовеки не сделать дров.
— Заступники! Кто не зван,

Тому на пиру не быть...
Взбесившийся старикан
Стал плетью Сетнера бить.

Зеваки опять пришли.
Опять пузырист гремит.
На черной земле, вдали,
Избитый Сетнер лежит.
Родимая мать одна
Склонилась к его плечам.
Рыдает и шлет она
Проклятия богачам...
Умыли Нарспи. И вновь
Ведут ее под покров.
За верность и за любовь
Пить пиво любой готов.
От топота шум пошел.
От топота гром и гам.
Поднять бы на воздух стол,
Вот так бы, вот так ногам!..
Ой, хмель закипевший лих,
Ой, вкусен остывший жир...
Ох, если б узнал жених,
Что малость испорчен пир.

ДВЕ СВАДЬБЫ

Шло солнышко на закат.
Шумел за дворами лес.
К воротам подъехал сват.
Народ на плетни полез.
У нижних ворот народ
Рассыпался возле мха.
Он встречную свадьбу ждет,
Везущую жениха.
И вот, покидая бор,
Конь скачет во весь опор.
На пестрый ковер полян
Ступил жених, Тахтаман.
Приплюснут широкий нос.
Бородка — пучок волос.
И черный обнял кафтан
Его стариковский стан.
Под желтую шапкой в ряд
Монеты на лбу висят.
Чулки из сукна новы.
А лапти-то каковы!

Дружки жениха гудят
Припевками да игрой.

А ну-ка, любезный сват,
Ворота свои открой!
Навстречу летят сваты:
Открыты — и двор, и дом!
Невеста из-под фаты
Печально глядит кругом.
В кибитке приподнялась,
Чтоб изверга увидеть.
Увидела. Принялась
Вполголоса причитать:
— Губитель мой, Тахтаман,
Добра от меня не жди.
Пусть канет душа в туман,
Пусть сердце сгорит в груди.
Отец мой и вся родня,
Что сделали вы со мной?
В неволю возьмет меня
Вот этот старик смешной.

— Пожалуйте все сюда.
Здесь пиво и меду течь...
Дружок жениха тогда
В ответ произносит речь.
Он пиво на землю льет,
Не двигаясь за черту.
Конь черный поводья рвет:
Соскучился по кнуту.
Семь конных дружков лихих
Вокруг жениха кружат.
О том, что богат жених,
На весь Тури-гас кричат.
Собрался под пестрый гуд
К воротам телег черед.

Нагайками гости бьют
По новым верхам ворот.
Проститься пора с постом.
Скорей пировать начнем
У свата в избе. Потом
По избам села пойдем.

Родные из Хужелги
Три дня могли пировать.
Пьяны — не поднять ноги...
Пора, говорят, поспать.
Такой разговор затем
Заводят сваты в кругу,
Что время поехать всем
На пиршество в Хужелгу.
— Куда вам, сваты, спешить?
Кто выспаться может днем?
Подольше нельзя ль побыть?
Давайте еще гульнем!
Сватов дорогих просил
Гостить Михэдер-отец.
Гуляли, пока из сил
Не выбились подконец.
Тогда порешил жених, —
Уехать пора пришла.
Идет провожать молодых
Народ со всего села.

Всей свадьбой проехав мост,
На время прервали путь.
Зашли на большой погост
Покойников помянуть.
Свершают святой обряд

И матери, и отцы.
Тайком на Нарспи глядят
Молодчики-молодцы.
За ними — Сетнер больной.
Он за руку держит мать...
Простясь со своей весной,
Пришел ее провожать.
Нарспи вся ее семья
Благословляет в путь
Так жалостно, что друзья
Успели слегка всплакнуть.
— Нарспи, ясный свет небес,
Прощаемся мы с тобой...
О бегстве с Сетнером в лес —
Ни слова, само собой.

В дорогу сваты спешат.
Намаялись день-деньской...
Сетнеру прощальный взгляд
Бросает Нарспи с тоской.
На убыль Сымэк пошел.
Веселье села прошло.
По избам народ побрел.
Проспаться спешит село.
Горюет Сетнер. Больной,
Несчастнейший человек!
Простясь со своей весной,
Ее проводил навек.
Зачем же на свете жить?
Затем, чтобы слезы лить.
Ты, радость, в чужом краю
Не видишь тоску мою.
Зачем же на свете жить?

Чтоб горькое горе пить.
Куда от тоски уйти?..
Нет счастья и нет пути.

Тяжел у Нарспи венец.
И друг ее втопан в грязь.
Согласие двух сердец
Разрушили, не спросясь.
Их лес вековой не спас,
Не мог защитить буран.
Увез от любимых глаз
Красавицу Тахтаман.
Пуста Сетнера изба.
И жизнь, как изба, пуста.
Твоим батоном, судьба,
Разбита его мечта.
Судьба!.. Говорят о ней
Сельчане и так, и сяк,
И тот, кто других умней,
Ее не поймет никак.
Сетнер! Он судьбе постыл.
И след уж Нарспи простыл...
И так вот родной человек
Родного сгубил навек.

В ХУЖЕЛГЕ

Теперь Хужелге черед
Порадовать поселян.
На свадьбу гостей зовет
Не кто-нибудь, Тахтаман.
Жених староват и сед.
Невеста свежей цветка.
— Согласье им да совет! —
А нам пировать пока...
Танцуют дружки, шумят,
Поют, раздирают рты.
Один из лихих ребят
Допелся до хрипоты.
Гуляли в Сильби вчера,
Сегодня гуляем тут.
А завтра на пир с утра
Подружек невесты ждут.
Приедут, тогда и в клеть, —
Как водится, без греха, —
Обязаны запереть
Невесту да жениха.

Село Хужелга лежит
Меж двух живописных гор.

Весь мир женихом забыт.
Бросает он волчий взор
На яства и на питьё,
На всякую снедь и сласть,
Так счастлив, что в забытьё
Боятся от счастья впасть.
От солнышка даль ясна
В полуденной синеве.
От счастья и от вина
Мир кружится в голове.
Он слышит: перепела
Кричат далеко в степи.
— Не слышно ль вблизи села,
Не видно ль родни Нарспи?
Рубаха на нем свежа,
Беленые рукава...
Ой, клонится, чуть дрожа,
Ой, падает голова.

Динь-динь, дири-бум, дон-дон, —
Веселье в село несем.
То девичьей свадьбы звон
Послышался за селом.
Вот десять подруг в хушпу¹.
Кибитка, сверкай, блистай,
Лети, разгоняй толпу!
Телеги, толпа, считай!
Их здесь сорок три всего.
Стоять им в селе семь раз.
— Вот пиво!.. — Попьем его!
— Спасибо!.. — Со свадьбой вас!

¹ Головной убор из серебряных монет.

К воротам сватов встречать
Выходят сваты, спеша.
— Дай отдых, любезный зять!
Устала в пути душа.
— Что надо душе? — Поесть,
Попить, погулять легко...
— Прошу! Окажите честь...
До вечера далеко.

Всей свадьбой на реку шли,
Когда начало темнеть.
Потом молодых вели
Прямою дорогой в клеть.
Клеть заперли на замок.
А ключ унесли. И вот —
Друг друга толкают в бок
Бесстыдники у ворот.
Вон юноша — раз и два
Прошелся вокруг клетки.
Но нет, не для озорства,
А будто сбился с пути.
Пугнул от забора прочь
Кого-то из ребятни.
Сказал: наступает ночь...
Сказал. И притих в тени.
Все тихо. И клеть тиха.
Вдруг, в омуте тишины
По адресу жениха
Невесты слова слышны!..

Слова-то слышны, но их
Значенье нельзя понять.
Постой... Говорит жених...

Что скажет почтенный зять?
— Побьюсь об заклад головой, —
Тебе подберу аркан! —
От ярости сам не свой,
Сказал Нарспи Тахтаман.
— Вот свадьба пройдет, тогда
Поймешь, что городишь чушь,
Избавишься от стыда! —
Добавил почтенный муж.
И все! Тишина опять.
Спокойствия торжество.
От запертых не слышать
Ни слова, ни одного...
Иные из поселян
Узнают через детей
Что́ грозный муж Тахтаман
Жене говорил своей.

А тот, кто был у клетки,
Кто слышал весь разговор,
Отсюда спешил уйти
Подальше, в дремучий бор.
Он шел по тропе лесной,
Смирняя порывы слез.
Досаду и гнев с собой
Шальной незнакомец нес.
Встречали его дубы,
Приветственно шелестя:
— Гонимый бичом судьбы,
Сетнер! Это ты, дитя!

Наутро молодожен
За стол по-хозяйски сел.

Горячею кашей он
Гостей угостить успел.
От каши по всем столам
Шел пар, как заря, румян,
Прощальную речь гостям
Пора сказать, Тахтаман!
— Простите меня, сваты,
Что мало еды-питья.
Нам вместе итти, сваты,
Дорогой житья-бытья.
Сватам не пришлось спьяна
За словом в карман полезть:
— Прими, наш зятек, сполна
Спасибо за пир и честь!
Прими от семьи родной
Согласье, любовь и мир.
Да будет у вас с женой
Вся жизнь весела, как пир...

Сваты запрягли коней,
Приплясывавших в леске,
И с песенкой со своей
Поехали налегке.
— Трогай, трогай, вороной!
Хороша погода.
Проводили нас домой
Полной чашей меда...

Глазел провожавший люд.
Дорожная пыль неслась.
Коней погоняют, бьют
Хозяева, веселясь.
Глубокий колесный след

Заносится пылью вмиг.
Проходим кричит: «Привет!» —
В кибитке привстав, старик.
Шум свадьбы и гром копыт
Уносится в степь, в ковыль.
Но долго Нарспи глядит,
Как мчится за свадьбой пыль.

ПОСЛЕ СЫМЭКА

Сымэк миновал. Скорей
За будничные дела!..
И день ото дня серей
Обычная жизнь пошла.
Как в траву-полынь в степи
Врезается острый плуг,
Тоска молодой Нарспи
Врывается в сердце вдруг.
В зеленом лугу трава
Под звонкой косой падет.
Вниз клонится голова,
Лишь в сердце печаль войдет.
Как солнце огнем палит,
Пронзает степную даль,
Так день изо дня сверлит
Ей сердце тоска-печаль.
Нагайка с ее спиной
Спозналась в короткий срок.
С Нарспи, с молодой женой,
Седой Тахтаман жесток.

Сэнтти лишь один и был
Для тети Нарспи своим.
Как чист! Как наивно мил!
Нарспи любовалась им.
На палочке к ней скакал,

Как будто бы на коне.
Жалел ее, утешал
Беседой наедине.
Племянник мой золотой!
Разгонит тоску на миг
Доверчивый и простой
Ребяческий твой язык.
Без мальчика, без него
Молодушке нет утех.
Нет радостней ничего,
Чем детский лучистый смех.
Все дни для Нарспи темны.
И ночь для нее темна.
Сэнтти — он, как луч весны, —
Отрада ее одна.

Сэнтти еще очень мал.
Не знал он земных тревог.
Где душу большую взял
Для мальчика добрый бог?..
Рот плачет. А глазки — нет:
Как звездочки хороши.
В семь лет в нем играет свет
Чувашской большой души.
Ребеночек золотой,
Забавник и баловник!
Ты нежною добротой
Нарспи покорять привык.
Ты можешь ее понять,
Как взрослые не поймут.
Ты можешь тоску унять,
Зудящую в сердце, тут.
— Ах, тетушка, ты не плачь.

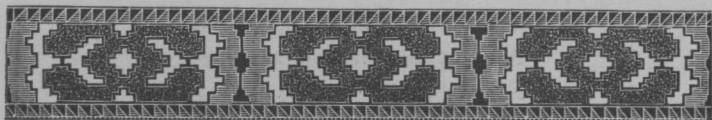
Ты — мама. Я — твой сынок.
Зачем же твой лоб горяч?..
К глазам приложи платок.

Не может ту ночь и клеть
Никак Тахтаман забыть.
Берет каждый день он плеть,
Чтоб лучше жену учить.
Безумный, не хочет знать
Ни сердца, ни мук ее.
Не в силах старик понять,
К чему приведет битье.
Однажды заходит гость,
Чтоб черный донос плести.
Нарспи в этот час пришлось
За пивом на лед пойти.
Когда же Нарспи внесла
Кипящего пива жбан, —
Плеть снова гулять пошла.
Был яростен Тахтаман:
— Скажи, как бежала в бор
С Сетнером в былые дни!
Скажи, как велик позор
Всей свадьбы и всей родни!

Седой Тахтаман со зла
Жену истязает, бьет.
В каждой избе села
Об этом молва идет.
Судачит во-всю село,
Толкует и так, и сяк:
— Какое большое зло
Ночной укрывает мрак.

— Родители дочь растят,
Как зернышко по весне.
А вырастет, — бросят в ад,
К ревнивому сатане.
Есть деньги у жениха, —
И все тут: жених хорош.
Но жизнь без любви плоха.
Цена этой жизни — грош.
— Когда полюбобен брак, —
Согласье и мир у нас...
Тогда богача бедняк
Счастливее во сто раз.

Бей, бей, Тахтаман, лупи!
Тяжелую плеть хватай.
Молодку свою, Нарспи,
Собакою почитай.
Что сеять пошел весной,
То осенью соберешь.
Пусть тешится над тобой,
Над извергом, молодежь!
Бей плетью, лупи кнутом.
Бей вечером, ночью бей!
Да только, смотри, потом
Об этом не пожалей.
Терпела недели три
Молодка такую жизнь...
Шел месяц к концу. Смотри,
Разбойник, не полатись!
Был вечер. Сиял огнем
Чудесный небесный свод.
В тот вечер... Но подождем,
Зачем забегать вперед?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

За цепью холмов, вдали
Разлит золотистый свет.
Зеленый покров земли
Горячим лучом согрет.
Венок из травы надень,
Пляши на цветном лугу!
Пронизанный солнцем день
Льет радость на Хужелгу.
Хор птичек невдалеке
Поет про леса, сады.
А девушки на реке,
Как лебеди у воды...
На горке изба видна.
Кругом — ни души живой.
Молодка в избе. Одна,
С поникшею головой.
Тоску не развеет вдруг
Ни лето, ни солнца звон...
Позавтракал злой супруг
И в поле уехал он.
— Отдали отец и мать
На муку меня сюда.
Как горе-тоску прогнать?

Неволя — моя беда.
Насильно сидеть в узде
Осталась я, молода.
Мой милый живет в беде.
Неволя — моя беда.
В бесчестье отец и мать
Повергнули без стыда.
Где силы-терпенья взять?
Неволя — моя беда.
Мне в жизни просвета нет.
И будет ли он когда?
Погас мой девичий свет.
Неволя — моя беда.
За что же родную дочь
Сгубили вы навсегда?
На сердце сгустилась ночь.
Неволя — моя беда.

— Мой милый в меня влюблен.
И я ему дорога.
Он ловок и он силен.
Зачем не убил врага?
Зачем я не умерла?..
Теперь умереть могу.
Нет, выход другой нашла:
Пора погибать врагу.
Но как же потом? Бежать?
А вдруг попадусь врасплох?..
Простите, отец и мать:
Даст силы всемогущий бог.
Душа ожесточена.
Что делать? В глазах темно.
Душа... Пропадай она

С мучителем заодно!
Закатится солнце дня.
Враг с поля придет назад.
Пусть сделает за меня
Смертельное дело яд!

Даря благодать земле,
Неспешно с крутых высот
На все, что живет в селе,
Полуденный свет течет.
Мир радуется ему
И радуется себе.
Не знает мир, почему
Рыдает Нарспи в избе.
Племянник, резвясь, бежит.
Румянец на щечках ал.
От радости весь дрожит:
На палочке прискакал!
Лошадку малыш свою
Стегает, смеясь, прутом.
Лягает сперва скамью
И тетю — слегка — потом.
— Что, тетя, одна сидишь?..
Молчанье — ему в ответ.
Стегает коня малыш
И снова бежит на свет.

Хозяин порядком стар:
Усталый домой пришел.
Горячей похлебки пар
Его приглашал за стол.
Взял ложку, хлебнул сполна.
Причмокнул и похвалил.

— Похлебка по мне: жирна,
Вкусна, словно сам варил.
Глаза повернул к окну,
От злости скосился весь.
Ткнул в бок кулаком жену:
— Эй, ну-ка, похлебку есть!
— Спасибо... Уж как-нибудь.
Я ела... Сыта с тех пор...
Нарспи побледнела чуть
И быстро ушла во двор.
Ушла. Ох, душа болит.
— Час близок... Что делать мне?..
В избе Тахтаман сидит
С похлебкой наедине.

Ешь, ешь, Тахтаман, травись!
Похлебка твоя вкусна.
С постылым худую жизнь
Решилась прервать жена.
Погибнешь теперь, злодей!
Мучитель, уйдешь с земли...
— Иди-ка, Нарспи, скорей
Да мужу постель стели!
Устал я. Горит нутро.
Прилягу, поправлюсь сном.
С водой ли у нас ведро
Иль, может, оно с вином?
На вкус, как вино, вода.
С похлебки попил, — смотри, —
Пьянит, горячит, — беда!
Вода, как огонь, внутри.
Постель мне, постель готовь...
— Готова постель. Ложись...

Он лег. Приподнялся вновь...
Упал... И погасла жизнь.

Хозяин хотел уснуть...
Он спит. Он спит, не дыша.
Окончен житейский путь
Еще одного чуваша.
Нарспи с мертвецом одна.
Ей страшно. Глядит кругом.
От лавки к столу она
В испуге бежит бегом.
Но длинной рукою ночь
Манит, и растет испуг.
Чьи руки?.. Уйдите прочь,
Холодные пальцы рук!
Хозяина смертный час
Во мраке еще ясней...
Кто сена скотине даст,
Кто выйдет поить коней?
Как тягостен счет минут.
Все ночь... Отменен рассвет.
Усталые кони ржут.
Хозяина больше нет...

Над теменью — звездный мост.
Под мостом — лесов листва.
Играет лучами звезд
Небесная синева.
Села богатырский сон
Нарушить не смог петух.
Лишь совы кричат с гумен
Настойчиво: ух да ух!
И месяц свой тонкий рог

Показывает селу.
Нарспи, перейдя порог,
Неслышно пошла во мглу.
За гумнами пробежав,
Простору наперерез,
Нарспи от села стремглав
В дремучий помчалась лес.
А месяц, как чумовой,
За нею вдогонку плыл.
Но лес, шелестя листвою,
Во мраке Нарспи укрыл.

Сэнтти поднялся чуть свет.
Приходит — одет, умыт.
Он — к тете, а тети нет.
Он — к дяде, а дядя спит.
Он дяде кричит, а тот
Не слышит ребенка крик.
Как странно, что не встает
И тихо лежит старик.
Вот кто-то вошел. Взглянул.
Да так и застыл: беда!
Потом из избы скользнул,
Прохожих позвал сюда.
Пришли, кто зван и не зван.
Пришли. Стоят у стола.
— Скончался муж, Тахтаман,
Куда же жена ушла?
Не знает никто о том,
На ум никому нейдет,
Что в темном лесу густом
Тропинкой Нарспи бредет.

В СИЛЬБИ

Рабочие дни текут
В Сильби без больших примет.
Веселья Сымэка тут
Давно и в помине нет.
В посконном своем рядне
Чуваш на поля ушел.
На пашне, на целине
Он трудится, словно вол.
Гнет спину в полях с утра.
Лишь праздник — его досуг.
А тут и косить пора,
Как только пройдет Уйдюг¹.
Тогда со всего плеча
Махай по росе косою.
Бруском по косе стуча,
Смой землю с нее росой.
На убыль покос идет.
С косою луга пройдешь, —
Глади: налилась и ждет
Серпа золотая рожь.

¹ Летний чувашский праздник.

За вестью родится весть.
Бескостен людской язык:
Из правды и кривды смесь
Он в сплетню вплетает вмиг.
Толкуют, что Тахтаман
Творит над женою зло.
Что, будто, трава-дурман
Летит из степи в село.
Что, будто, смертельный яд
Несется с дурман-травой.
Сболтнут. А потом спешат
Покачивать головой.
Услышав молву людей,
Сетнер покидает мать.
Он крепко простился с ней.
Сказал, что идет гулять.
Ушел Сетнер наугад
Куда-то июльским днем.
За ужином говорят
В селе о Нарспи и о нем.

Не сбейся, Сетнер, с пути.
Дорога твоя долга.
Ты хочешь Нарспи спасти,
Ты хочешь убить врага.
Лесною тропой иди
Сквозь ветер, и дождь, и мрак.
Войдешь в Хужелгу, — найди,
Где спит твой заклятый враг.
В ловушке ночных тенет
Застигни врага своего, —
Чтоб солнце, когда взойдет,
В живых не нашло его.

— Не сможет оно поднять
Того, кто повержен мной...
А я убегу опять
С любимой во мрак лесной.
Безумного риска прыть
Не сдержат ни страх, ни тьма...
Что думал Сетнер свершить, —
Свершила Нарспи сама.

В ЛЕСУ

Бушующий лес завыл,
Запел, зашумел листвою.
Пронзительней вопля был
Свирепого ветра вой.
Срывая с ветвей красу,
Дождь корни пытался грызть.
Как будто и впрямь в лесу
Чудовища поднялись.
Буран налетел, крутя
Холодный и жгучий дым.
Вот елочка, как дитя,
Склоняется перед ним.
Полил из лавины туч
Не дождь, а речной поток.
Полуночный гром гремуч.
Полуночный мрак глубок.
Лишь молния этот мрак
Порой разорвет слегка.
И видно: летит в овраг
Взбесившаяся река.

Зачем же, дремучий лес,
Ночную порой шумишь?

Зачем же, гроза небес,
Над бедной душой гремишь?
Ушла бы ты в пустоту,
Лихая беда, добром.
Зачем меня, сироту,
Пугаешь, коварный гром?
На лютую муку мать
Пустила меня на свет.
Что ж, пропадом пропадать,
Коль радости-счастья нет?
Мне с бедностью по пути.
С богатым — ни стать ни сесть.
И бедность могла б сойти,
Да глупость людская есть.
И глупость бы ничего,
Да враг на пути стоит.
Давно бы сгубил его,
Да как же мне мир простит?

Идет Сетнер и поет
Про бедность и богача.
А ветер напев несет,
Рыдая и хохоча.
Летит тот напев легко
За тучи, за небосклон.
Относится далеко
Горячего сердца стон.
Стон сердца! У камыша
В болотной замри глуши!
Но песня — его душа —
Дошла до другой души.
Она понеслась в полет
Куда-то в лесную даль,

Где кто-то другой поет,
Где чья-то звучит печаль.
В далеком напеве, там
Не меньше тоски и слез.
Внимает Сетнер словам,
Что ветер к нему принес.

— Зачем же ты, шум ветвей,
Мне сердце на части рвешь?
Ты голос Нарспи моей
Из темной глуши несешь.
Летел бы, неясный шум,
Куда-нибудь в пустоту.
Зачем же тревожить ум,
Обманывать сироту?
Всю правду скажи, не скрой:
Зачем же, листвою звеня,
Ты, ветер, пустой игрой
Чуть-чуть не смутил меня?
А если насмешки нет
И не обманулся я, —
То где же мой горький цвет,
Где радость — любовь моя?
Прошу, не сочти за труд:
Видением ослепи!..
Но тише... Сюда идут...
О, бог мой! Нарспи! Нарспи...

Дрожащее пламя губ
Сердца опалило их.
Склонился могучий дуб.
И ветер в лесу затих.
Нежданного солнца луч

Кусты обогрел вокруг.
Рассеялись стаи туч.
И птицы запели вдруг.
Как солнце в траве сожгло
Серебряный холод рос,
Так нежной любви тепло
Осушит глаза от слез.
— Исчезните, злые дни!
День счастья, добра настал.
— Нас двое. И мы одни.
Наш мир и велик, и мал.
Но птицы с лесных полян
Галдят и кричат, трубя:
— Ой, бойся! Ой, Тахтаман!
Он ищет, Нарспи, тебя!..

ОТЕЦ И МАТЬ

В убогой избе своей
С любимой Сетнер сидит.
Для них, дорогих детей,
Старушкою стол накрыт.
На ужин хлеб-соль пока
Лежит посреди стола.
Да кислого молока
Мать с улицы принесла.
За ужином разговор
Сетнер и Нарспи ведут
О том, как дремучий бор
Им дважды давал приют.
Припомнились им опять
Гулянки, сирень, весна.
Затихла старушка-мать,
Сидевшая у стола:
Ей слышится за стеной
И говор, и топот ног...
Старик Михэдер с женой
Явились на огонек.

М а т ь:

Где дочка, Нарспи моя,
Скрывается до-темна?

От добрых соседей я
Слыхала, что здесь она.

М и х э д е р:

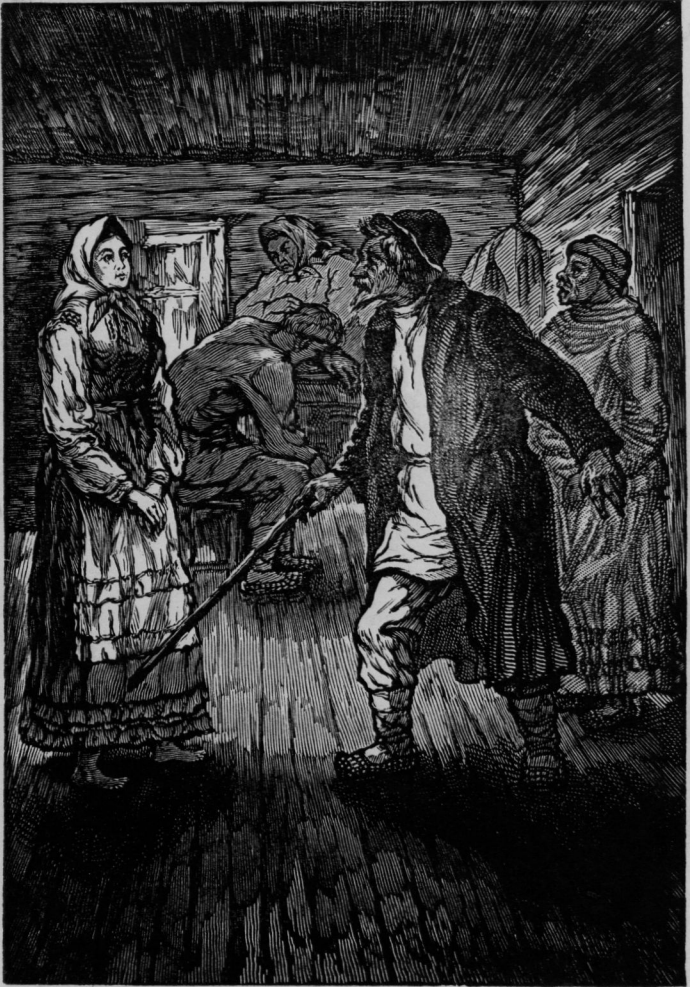
Зачем этот срам и стыд
Ты дочерью назвала?
Она вороха обид
Родителям принесла!
Ей мало, что я богат,
Что знатен почтенный муж!
Сетнер, «драгоценный» клад,
Понадобился к тому ж!
Безродная эта голь
Ей больше всего близка.
Ой, горе! Свалилась боль
На голову старика.

М а т ь:

Надумала, бог ты мой,
Супруга со света сжить,
Чтоб с этою гольтепой
По темным лесам блудить!..

М и х э д е р:

Худого не видел дня.
Мне боги несли дары.
Злой дух — киреметь меня
Не трогал до сей поры.
Всего, чем душа жива,
Полнехонько в доме есть.
Чувашские божества
Хранили добро и честь.

Один бог добро давал.
Другой бог давал покой.
Вот так бы и доживал
Я век беспечальный свой.
Да дочка вот невзначай,
Когда стал и сед, и стар,
Уважила: получай
На старости лет удар!..

М а т ь:

Ругай же его, с кем дочь
По слабости сил ушла!
Батрацкие лапы прочь
С хозяйского со стола!..

М и х э д е р:

Не я ли ее растил,
Не я ли ее любил,
Старался, что было сил:
Добро для нее копил.
Спокойного сна не знал.
Ночей для нее не спал.
Нарядней всех одевал,
Нарядней всех обувал.
Богатого жениха
По свету искать пошел.
Богатого жениха
На счастье ее нашел.
И свадьбу ее сыграл —
Любым богачам в укор!..
За это за все пожал
Бесчестие да позор.

М а т ь:

Родительницы покой
Втоптала ногами в грязь.
В кого это ты такой
Уродиной родилась?

М и х э д е р:

Воспитывал с малых лет,
Чтоб радоваться потом.
Не радость, а горесть бед
Беспутница вносит в дом:
Ей воля отца — не в счет.
Совет материнский — прах.
Нам в головы горе бьет,
Сединами в волосах.
Отец ей богатство дал
И славу — и все как в дым...
Жених ведь богат, удал,
И дура б гордилась им.

Н а р с п и:

Эх, старый отец, ты сед,
Но так и не знал в свой век,
Что счастья с немилым нет.
Богатство — не человек.

М а т ь:

Подлюга, да где ж взяла
Кошунственные слова?
Ты мне все нутро прожгла,
Проклятая голова.

М и х э д е р :

Насмешкою в морду тычь
Теперь старика любой:
«Нахвастался, старый хрыч,
Дочуркою дорогой...»
Язвят брехуны села, —
Я слушать их не охоч.
Пусть слава твоя сгнила,
Но все-таки ты мне дочь.
Пойдем из этой норы.
Изба у отца не плоха:
Живи себе до поры,
До нового жениха.
Ты гибельным шла путем,
Свою потеряла честь.
Не плачь. Мы ее найдем:
У батьки богатство есть.

М а т ь :

Что, сучка, поджала хвост?
Домой, говорят! Скорей!..
Ты больше, бесстыжий пес,
Сетнер, не гонись за ней!

Н а р с п и :

Кого ты, отец, зовешь?
Позор свой и срамоту?
Мне всю эту брань и ложь
И слышать невмоготу.

М а т ь :

Вот речи-то горячи,
Послушай-ка ты ее!

М и х э д е р :

Цыц, старая! Замолчи!
Пускай говорит свое.

Н а р с п и :

Зачем сидеть взаперти
Должна я? Для чьих забав?
Куда мне еще итти,
Женою Сетнера став?
К мучениям не зови,
Отец! Я терпела их.
Кто замужем по любви, —
Не нужен тому жених.
Вы девочку берегли
Когда-то, отец и мать.
А выросла, — не смогли
Вы взрослой ее понять.
Припомните, сколько раз
Сквозь слезы в углу, в тиши
Она умоляла вас
Ее не губить души.
Зачем вы свой плод живой
Растили, отец и мать?
Затем, чтобы с рук долой
За деньги его продать...

Просила я подождать
Со свадьбой один годок, —
Мать за косы стала драть,
Сорвав с головы платок.
Отец самых бранных слов
Для дочки не пожалел.
Глядите теперь, каков

У вашей Нарспи удел!
Губительна к деньгам страсть.
Вы, голову очертя,
Нацелили волку в пасть
Единственное дитя.
Я вырвалась. Вы опять
Отдать в кабалу непрочь.
Нет! Если Сетнер вам зять,
Тогда и Нарспи вам дочь.
Хотите благословить
К Сетнеру мою любовь, —
Тогда станем вместе жить...
А нет, — не зовите вновь.

М а т ь:

Родителей ест живьем!
Шайтан поселился в ней...
Плевать на нее! Уйдем,
Уйдем, Михэдер, скорей!

М и х э д е р:

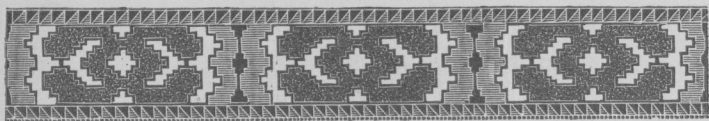
Ты, злой соблазнитель, знай,
Что я не прощу тебе.
Ты, подлая, пропадай,
Ешь копоть в его избе.
Узнай, как сладка нужда,
Как нищенства горек дым.
Прискачешь к отцу! Тогда
Иначе поговорим.
Я встретить тебя готов.
Ты знаешь характер мой.
А нынче — довольно слов.
Старуха, идем домой!

М а т ь:

Пускай они сохнут тут,
Как хворост в пустом дворе.
Собаки! Пускай гниют
Их кости в сырой норе...

Ушли, проклиная дочь,
Уставшие старики.
К селу приближалась ночь.
Туманилась даль реки.
А солнышка не догнать:
Ушло, покраснев, во мглу...
Старушка, Сетнера мать,
Склонила лицо к столу.

ЧЕТЫРЕ МЕРТВЕЦА

Беззвездная ночь темна.
Усталые люди спят.
Спят крепко. Дороже сна
Нет клада, как говорят.
Сильби погрузилось в сон.
Лес грозной застыл стеной.
Надломленной ветки стон
Раздался в тиши лесной.
Подул ветерок. И вот —
Послышался листьев гуд.
Две тени ночных подвод
Из леса к селу плывут.
Проехали в Тури-гас
Лужайкою, напрямик...
Чудовищно в этот час
Пронзительный слышать крик.
По улице человек
Промчался быстрее, чем бес.
А тени ночных телег
Неслись, громыхая, в лес.

Поднялся в селе народ,
Бежит в Тури-гас бегом.

— До нитки! — крикун орет, —
До тла Михэдеров дом!..
— Пожар! Доставай ведро!..
— Да нет, не пожар, — грабеж!
Расхйтили все добро.
Убили!.. — Чего орешь?
— Дай вызвонить звонарю,
Коль глотка, как медь, звонка...
— Убили, — я говорю, —
Старуху и старика.
Работников семерых
Споили вином дурным
Разбойники! Мы от них
Вдвоем отбивались... с ним...
— Да с кем же?— С Сетнером,—он
Пришел... я позвал... на зов...
— Да где же Сетнер?.. — Сражен,
Попал под топор. Готов...

Очищены сундуки.
Ограблен богатый двор.
Зарублены старики.
— Злодейство! Чума! Раззор!..
Несчастный Сетнер убит.
Убийц не найти следа.
Кто видел, тот говорит:
— Уехали... Но... куда?
Сквозь шум в опустевший дом
Неслышно Нарспи вошла,
Закрыла лицо, притом
Слезинки не пролила.
Стоит, жива не жива, —
Губами не шевельнуть.

— Сетнер мой!.. Как жернова,
Слова ей сдавили грудь.
И только к утру, когда
Готовилось солнце встать,
Открылась ей вся беда.
Нарспи принялась рыдать.

— Зачем же, отец и мать,
Открыли мне божий свет,
Где надо всю жизнь страдать,
Где горю предела нет?
Измята моя судьба,
Растоптана, как трава.
Безжалостных бед раба,
Злосчастная голова,
Тебе, голова моя,
Не тесно ли стало жить?
Местечка не вижу я,
Где голову преклонить.
Нарспи, не спеша, пошла...
Ступила через порог —
И — дальше — на край села.
Потом — в Конопляный лог.
Там листья меняют цвет,
Там гуще волос кусты...
Ей люди глядели вслед,
Толкуя до темноты.

Пшеница в снопах добра.
Работников ждет земля.
Но нынче никто с утра,
Никто не пошел в поля.
И девушки в хоровод

Нарядной толпой не шли.
И парни, лихой народ,
Ходили молчком вдали.
Большой разговор с утра
Вели старики в кругу:
— Молодка Нарспи вчера
Пропала... И ни гу-гу...
Послали искать в овраг...
И, шествуя через мост,
Покойников в трех гробах
Народ понес на погост.
Старуха и Михэдер,
Прощайте же... Час настал...
В дубовом гробу Сетнер,
В открытом гробу лежал.

Когда же придет конец
Печальным вестям в селе?
— Нарспи, — сообщил гонец, —
Повесилась на ветле.
Ушла в Конопляный лог,
Прошла по густым кустам,
Чтоб горечь земных тревог
Навеки оставить там.
Туда хоронить пошли
Красавицу в летний день.
Насыпали холм земли.
Из веток сплели плетень.
Пока не настала ночь
Бродили вокруг холма...
Нарспи, Михэдера дочь,
Ты жизнь прервала сама, —
Не жизнь, а сплошной поток

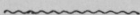
Страданий большой души...
И тут Конопляный лог
Покинули чувашаи.

Играет в степи рассвет.
Восход над селом широк:
Восход самый чистый свет
Прольет в Конопляный лог.
Там нашей Нарспи лежать
Укором из века в век
Тому, как отец и мать
Сгубили цветка побег.
Душистый цветок степи
Был радостью для села.
В Сильби красота Нарспи
Цветком золотым цвела.
Печальная песнь о ней
В чувашском селе слышна.
И нынче в сердца людей
Вселяет любовь она.
Приходит народ простой
В жару в Конопляный дол.
И там ключевой водой
Сухой поливает холм.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Сутягин</i> . Классик чувашской литературы	5
В селе Сильби	11
Красавица	16
Канун Сьимэка	22
Свадьба	32
У знахаря	38
Бегство	42
Две свадьбы	49
В Хужелге	54
После Сьимэка	60
Преступление	64
В Сильби	72
В лесу	75
Отец и мать	79
Четыре мертвеца	89

Редактор В. Казин.
Технический редактор
А. Цыло.
Корректор
В. Покровская

Сдано в набор 21/VIII
1940 г. Подписано к пе-
чати 5/IX 1940 г. X-60.
И64. А31073. Заказ издат.
№ 69. Заказ типогра-
фии 1319. Формат бумаги
 $84 \times 108 \frac{1}{32}$. 6 печ. листов.
3 авт. листа. Тираж
10 000 из них 3000 экз. на
бумаге ф-ки Госзнак.
Цена книги 6 р. 75 к.;
7000 экз. на бумаге Крас-
новишерского бумкомби-
ната. Цена 6 р.

Типография
Гослитиздати. Москва,
1-й Самотечный пер, 17.

